

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2009 г.

Аннотация: статья посвящена генезису русского легального народничества; уточняются причины и время его возникновения, ставится вопрос об основоположнике идеологии правового (неревolutionного) течения народнической мысли; анализируются мнения исследователей по затронутым в статье проблемам.

Ключевые слова: легальное народничество, реформизм, интеллигенция, возникновение, история.

Abstract: in this article the author investigates genesis of legal narodnichestvo, precises the reasons and time of it's genesis and defines the founder of the «right» non revolutionary trend of populists' thought. Different points of view of scientists on the theme are analyzed.

Key words: legal narodnichestvo, reformism, intelligentsia, genesis, history.

Когда, почему и как возникло легальное народничество, кто стоял у его истоков? В литературе о русском народничестве второй половины XIX в. эти вопросы никогда не решались однозначно.

В исторической литературе существуют две концепции генезиса идеологии правового (неревolutionного) течения народнической мысли. Согласно одной из них, господствующей в советской историографии, так называемое «либеральное» (легальное) народничество, явилось продуктом *перерождения* революционного народничества, которому так и не удалось поднять народ на восстание против «эксплуататорского» строя. Основоположниками либерального народничества считаются И. И. Каблиц и В. П. Воронцов, которые заложили основы нового направления в первой половине 1880-х гг. [1, с. 78]. Сторонники другой (современной) концепции доказывают, что революционное и реформаторское народничество зародились в эпоху подготовки реформы 1861 г. и в дальнейшем развивались *параллельно* друг другу. Однако организационное и идейное оформление легального народничества затянулось до начала 1880-х гг., так как его безусловный лидер — Н. К. Михайловский — все 1870-е гг., не веря в революцию, поддерживал революционеров [2].

Суть разногласий относительно начала истории легального народничества, очевидно, сводится к вопросу о том, когда его представители стали позиционировать себя в качестве самостоятельной общественной силы:

— в эпоху подготовки и отмены крепостного права (вторая половина 1850-х — начало 1860-х гг.);

— в период становления идеологии действенного народничества (конец 1860-х — середина 1870-х гг.);

— в ходе размежевания народников-семидесятников на сторонников и противников политической борьбы с самодержавием (вторая половина 1870-х — начало 1880-х гг.).

В данной статье обосновывается концепция возникновения реформаторского народничества в 1868 г. (а не в 1861, 1875 или 1882, как это делают другие исследователи). Эта дата связана с переходом в руки демократов-просветителей журнала «Отечественные записки» и газеты «Неделя». В 1870-е гг. на страницах этих изданий легальные народники будут обосновывать свою стратегию решения народного вопроса.

Прежде всего необходимо уточнить, что под возникновением легального народничества мы понимаем некую условную *точку роста*, разделяющую процесс генезиса этого течения народнической мысли на два этапа: *зарождение* концепции мирного пути к социализму и ее последующее *развитие* в общественно-политическую доктрину. На первом этапе (его еще называют «эмбриональным») народнический реформизм — это одна из идейных тенденций второй половины 1850-х — 1860-х гг., так сказать, явление узкогруппового сознания. Но уже в следующем десятилетии у легальных народников появляются своя программа общественных преобразований, свои идеологи и своя социальная база в среде разночинной

интеллигенции. Иными словами, возникновение легального народничества связывается с началом его оформления в идеологию и движение той части отечественной интеллигенции, которая сочувствовала идеалам народнического социализма, но склонялась к легальным, ненасильственным методам деятельности.

Генезис идеологии легального народничества начался с зарождения концепции мирного нереволutionного пути к социализму. У ее истоков стояли А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. По своему духу создатели учения о возможности некапиталистического развития России через сохранение и развитие крестьянской общины, безусловно, были революционерами. Однако в отношении средств построения социалистического общества (революция или реформы) однозначного решения у них не было. И Герцен, и Чернышевский прекрасно понимали необходимость длительной подготовки народа и образованного общества к радикальному социальному перевороту. Эта подготовка предполагала не только освобождение крестьян с землей (без выкупа), но и организацию местного самоуправления, создание новой судебной системы, и, наконец, реформирование всего государственного управления, вплоть до установления в стране конституционного порядка. Революция рассматривалась основоположниками народничества как крайнее средство и то, если ее начнет сам народ [2, с. 33—79]. До 1861 г. ни о какой организации в России революционного переворота по инициативе и силами передовой демократической интеллигенции (коих тогда насчитывалось несколько десятков человек) ни в Лондоне, ни в Петербурге еще не помышляли.

Отмена крепостного права «сверху» и вызванная ею цепная реакция реформ «призывали» русское общество к активной деятельности на пользу освобожденного народа. Именно в эти годы «народничество» сделало первый шаг по пути превращения из книжной теории в широкое движение «народных заступников», недовольных «грабительским» характером крестьянской реформы. Уже первая «Земля и воля» объединила в своих рядах несколько сот человек. Постановка «революционерами 1861 г.» вопроса о насильственном свержении существовавшего режима и немедленном осуществлении идеалов социализма ускорила самоопределение и сторонников мирных преобразований. В первой половине 1860-х гг. реформистско-народническая мысль находит отражение в публикациях «Современника», «Века» (1862), «Очерков» (1863) и

даже в «Русском слове». Мирное сосуществование в этих легальных периодических изданиях сторонников «реформ» и «революции» свидетельствует об отсутствии между ними острых противоречий.

Кто же были эти первые народники-реформисты и какие положения они развивали? К сожалению, в литературе эти вопросы специально не изучались, отчасти потому, что долгое время исследователи не рассматривали шестидесятников как народников, хотя и отмечали наличие у них некоторых народнических идей. Поэтому до сих пор начало складывания легального народничества в определенное течение связывается исключительно с расхождением в народнических рядах в оценке реформы 1861 г. «Те из народников, — читаем мы в одном из современных учебников, — кто приветствовал реформу, считая ее основой для достижения социалистического идеала в России, стали первыми представителями легального направления в народническом движении» [3, с. 735].

Разработкой идей, которые затем легли в основу идеологии легального народничества, занималась целая плеяда известных публицистов 1860-х гг. — Г. З. Елисеев, А. П. Щапов, А. Н. Энгельгардт, И. А. Пиотровский, Ю. Г. Жуковский, В. А. Зайцев, Н. А. Демерт, В. В. Берви-Флеровский и др. И хотя почти все из них попали в известный словарь «Деятели революционного движения в России», в легальной печати они отстаивали совсем другие принципы. По свидетельству А. М. Скабичевского, эти публицисты отличались «трезвою реальностью» своих взглядов: «не проповедуя никаких быстрых и решительных переворотов, они в то же время требовали, чтобы правительство прежде всего и более всего заботилось об увеличении народного благосостояния, употребляя все зависящие от него меры, практически осуществимые и не только не представляющие никакой опасности для государственного порядка, но, напротив того, ведущие к большему упрочению его» [4, с. 39]. Настоящие революционеры, конечно, не стали бы выступать за мероприятия, которые могут «упрочить» существующий общественный порядок.

Стройной теории эволюционного развития общества у народников-реформистов не существовало. По крайней мере, она нигде не изложена в систематизированном виде. Это объясняется отсутствием у них единой организации, для которой потребовалось бы разработать и обосновать общую программу дей-

ствий. Литературная же среда, в которой зародилось легальное народничество, отнюдь не располагала к такой консолидации. Тем не менее у сторонников мирного народнического социализма с самого начала были некоторые общие задачи и принципы действий, которые мы попытаемся реконструировать.

Свое понимание важнейших задач пореформенной русской жизни легальные народники сформулировали уже к середине 1860-х гг. К их числу относились: 1) обеспечение свободы саморазвития и самоопределения общины; 2) умственное развитие и просвещение народных масс; 3) реальное улучшение материального быта крестьянства.

Отстаивание принципа свободного развития народа вытекало из теории общины, сформулированной Герценом и Чернышевским. В 60-е гг. XIX в. легальные народники приложили немало усилий к ее популяризации. Особенно преуспел в этом А. П. Щапов. В своих статьях он представлял крестьянскую общину как «первооснову и первообраз» для развития всего русского общества и даже призывал жителей городов учиться у сельского мира его практическим социальным принципам, усвоить себе «дух крестьянской мирской сходимости и совещательности и мирской дружной общинной инициативы». По мнению публициста, грубый, необразованный, но могучий сельский мир с отменой крепостного права начинал свое «новое саморазвитие» [5, с. 110, 114, 117]. Эти утверждения Щапова позволили Г. В. Плеханову назвать его труды значительным вкладом в разработку теории народничества [6, с. 10].

Теоретическим обоснованием попыток публицистов-демократов убедить власть в выгоды для государства продолжения курса на освобождение народа от остатков крепостничества явилась концепция самобытности общественного строя России. Эта самобытность виделась им в отсутствии сословий (в их европейском понимании) и «борьбы партий» по причине особой роли в истории страны централизованной государственной власти. «Русская история, — писал Елисеев, — есть дело любовного земского строения; в ней не было никогда и тени борьбы сословностей; народность, земственность составляют ее корень и почву» [7, с. 118]. Широкому распространению в легальной народнической публицистике идеи земского, «органического» (бессословного и бесклассового) саморазвития, способного объединить все сословия вокруг общенациональных задач, во многом способствовали под-

готовка и проведение правительством земской реформы 1864 г.

В 1863 г., когда крестьянство подчинилось воле правительства, не препятствуя введению уставных грамот, вера народников-просветителей в социальное саморазвитие масс заметно потускнела. В дальнейшем некоторые из них попадут под влияние идей Д. И. Писарева, признав первостепенное значение развития производительных сил общества, устройства на рациональных началах фабрик, заводов, экономических ассоциаций, как лучших проводников в народ «реальных» идей и знаний. Без этой, по словам Щапова, «страдной работы», призванной уничтожить дуализм между передовым меньшинством и отсталым большинством («демократией невежества, суеверия и рутины»), всякое движение вперед сделается невозможным [8, с. 358—359].

Генезис легального и революционного народничества тесно связан с процессом становления русской разночинной интеллигенции.

К середине 1860-х гг. русское народничество располагало достаточно стройным учением о возможности некапиталистической модернизации страны, опирающимся как на достижения европейской мысли (идеи просвещения, демократии, социализма), так и на традиционные российские институты и ценности. Однако народники еще не обладали серьезной общественно-политической силой, способной оказать влияние не только на власть, но и на народ. Потенциально субъектом народнического движения могла стать молодая разночинная интеллигенция, заявившая о себе в начале 1860-х гг. Именно к ней (студентам столичных вузов) обратился тогда Герцен со своим знаменитым лозунгом «В народ!».

Для завоевания сознания демократически настроенной молодежи новым теоретикам народничества потребовалось перенести идеи и теории его основоположников как бы в новую систему координат, ориентированную на особенности интеллигентского мировосприятия. Точнее, речь шла о выработке народнической идеологии — системы взглядов и ценностей новой, «народной» интеллигенции, теоретически обосновывающей место и роль этой социальной группы в обществе. Именно идеология обеспечивает переход от теории к социальной практике, от кружковщины к массовому движению под флагом обоснованных его идеологами идеалов и программ практического действия [9, с. 85].

С конца 60-х гг. XIX в. в народничестве фактически формируются две идеологии —

революционная и реформистская. Сами названия их говорят о том, что главная причина этого раздвоения — разные пути перехода к более справедливому общественному устройству. Революционные народники считали, что для построения в России социализма необходимо предварительно уничтожить существующий в стране эксплуататорский строй как главный источник всех бед простого народа. Они верили, что крестьян можно поднять на вооруженное восстание без апелляции к их традиционным авторитетам (царю и Богу), чего прежде никогда не было. Легальные народники в близкую революцию не верили, полагая, что массы к ней не готовы. Кроме того, их серьезно волновал вопрос о том, что будет на другой день после революции. Чтобы новые общественные формы выполнили свое предназначение, народ и сама интеллигенция должны были до них дорасти. Иначе эти формы могли переродиться. Быстрому, но чреватому непредсказуемыми последствиями решению народного вопроса они предпочитали путь постепенных экономических, политических и культурных преобразований, главной движущей силой которых со временем должен был стать сам народ. Они рассчитывали, что общество и власть рано или поздно поддержат их в этом начинании, уступив требованиям прогресса.

Обе идеологии возникают на волне нового общественного подъема, вызванного ухудшением положения народа и резкими колебаниями правительственного курса. Интеллигентская молодежь, чье мировоззрение формировалось под влиянием демократических идей 1860-х гг., жаждала живого дела. Ответом на запрос интеллигентской среды стали программы практической деятельности в народе, которые включали в себя не только революционную пропаганду, но и вполне мирную созидательную работу на ниве народного просвещения, оказания населению медицинской, агрономической, юридической помощи, заведения в деревне различных производственных ассоциаций и т.п.

Перерастание реформистской тенденции в самостоятельное направление развития народнической мысли начинается в 1868 г. после перехода в руки демократов «Отечественных записок» и «Недели». В этих изданиях сосредотачиваются лучшие литературные силы народничества в лице Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского, В. В. Берви-Флеровского, Н. А. Демерта, А. П. Щапова, С. Н. Южакова, С. Н. Кривенко, Г. А. Гайдебурова, которые станут теоретиками его нового течения.

Народники-реформисты прекрасно понимали значение периодической печати для развития русского общества. В России, по признанию Елисеева, «по журналу учатся мыслить, судить, даже действовать» [10, с. 265]. Превращением в главное орудие формирования самосознания и консолидации оппозиционной интеллигенции литература была обязана отсутствием в стране политических свобод. Кроме того, пресса, пусть и подцензурная, — это была, по сути, единственная легальная возможность для оппозиции заявить о своих требованиях к правительству.

В 1870-е гг. легальные народники, в отличие от революционных, в большинстве своем были профессиональными литераторами, т.е. жили доходами от своих публикаций в печати. Развитие журналистики, разделение номеров на отделы (беллетристика, научный и философский, по внутренним вопросам, иностранный и т.д.), необходимость знакомства с научными и практическими достижениями в избранной литератором области, возможность пристального наблюдения за развитием русской жизни способствовали превращению ряда легальных народников в подлинных экспертов, особенно по вопросам положения пореформенной деревни. По этим причинам именно сотрудники легальных журналов занялись разработкой и обоснованием не только социологии и этики действенного народничества, но и его экономической программы, которая станет общей для обоих течений народнической мысли.

Некоторые исследователи считают, что до «хождения в народ» противопоставлять революционеров и реформистов не совсем корректно, так как и те, и другие воспринимали себя как одно целое [11, с. 26, 256]. Здесь уместно привести воспоминания о том времени Н. А. Морозова. По его словам, в начале 1870-х гг. представители революционного подполья называли себя радикалами, людьми дела, а всех писателей легальной литературы, включая Михайловского и сотрудников «Отечественных записок», причисляли к либералам, понимая под этим словом всех говорящих о свободе, но не способных пожертвовать собой за свои убеждения. При этом Морозов делает важное добавление, что связью с литераторами у них тогда еще не было [12, с. 89—90]. Очевидно, что с самого начала легальные деятели и подпольщики преследовали разные задачи, хотя и принадлежали к одному демократическому лагерю.

Часто возникновению того или иного общественного течения предшествует появление его «манифеста». Например, славянофильство

родилось в 1839 г., когда А. С. Хомяков и И. В. Киреевский изложили главные его положения в двух известных статьях. Легальное народничество не имело общепризнанного документального начала. Ни один из народников-реформистов 1860-х — первой половины 1870-х гг. даже не пытался систематизировать свои взгляды на механизм общественных преобразований. Не случайно, по мнению некоторых историков реформаторского народничества, до середины 1870-х гг. у этого направления не было своих идеологов [13, с. 179]. И все же, учитывая рассмотренные выше факты, позволим себе в этом усомниться.

Первым кандидатом на роль основоположника идеологии легального народничества, безусловно, является Н. К. Михайловский — самый талантливый, плодовитый и наиболее востребованный из народников-реформистов 1870-х гг., подлинный властитель дум тогдашней молодежи. Однако Михайловский был социологом, разрабатывавшим вместе с Лавровым и Южаковым главные положения субъективной социологии народничества. Вопросами текущей внутренней жизни страны он почти не занимался, а именно в этой области легальное народничество могло сказать свое новое слово. Что касается кандидатуры И. И. Каблицы-Юзова, то он сформулировал кредо только крайне правого (славянофильского) крыла легального народничества, и то в конце 1870-х гг. Третий претендент — В. П. Воронцов в начале 1880-х гг. выдвинет принципиально важную для дальнейшего развития народнического реформизма теорию «мертворожденности» русского капитализма. Но в семидесятые годы его взгляды на задачи отечественной интеллигенции еще находились в стадии формирования.

На наш взгляд, на роль родоначальника реформаторского народничества может претендовать еще один яркий представитель демократической журналистики первых пореформенных десятилетий, ведущий публицист «Отечественных записок» Г. З. Елисеев (1821—1891). Он не был ни социологом, ни экономистом, хотя за ним признают постановку вопроса о русском капитализме. Основная заслуга Елисеева в том, что он первым сформулировал идейно-тактические принципы так называемого практического народничества, которое на рубеже 1870—1880-х гг. расколется на народников «правых» (культурники) и «левых» (политики). С 1868 г. во внутренних обозрениях Елисеева для «Отечественных записок» деревня окончательно превращается

в центр русской жизни, а крестьянство с его нуждами и горестями — в главный объект забот демократической интеллигенции. Конечно, не Елисеев поставил на повестку дня крестьянский вопрос. Но, по признанию современников, он сконцентрировал на нем внимание народнической публицистики. Как вспоминал потом Н. В. Шелгунов, именно Елисееву «мужик обязан более всего тем, что к нему повернулось общественное мнение, и что, наконец, явилась даже “мужицкая” внутренняя политика» [14, с. 422].

В 1868 г. Елисеев публикует в «Отечественных записках» статью программного характера «Крестьянский вопрос». В ней он не только дает положительную оценку отмены в России крепостного права, но и проводит крамольную для шестидесятников мысль, что крестьянская реформа создала почву для поступательного развития народа и общества. «С крестьянской реформой неразрывно связаны все лучшие начинания настоящего — городское и земское самоуправление, гласные суды, свобода прессы и т.п. С нею, — по словам публициста, — связаны и все наши надежды в будущем. Усомниться относительно прочности нашей крестьянской реформы в будущем... значило бы признать свое полное умственное и экономическое банкротство...» [15, с. 152].

Елисеев вовсе не закрывал глаза на недостатки реформы 1861 г. «Крестьянство, — писал он в 1872 г., — свободное de jure со времени обнародования положения 19-го февраля, de facto остается все еще связанным по рукам и ногам: 1) круговой порукой, паспортной системой, рекрутством; 2) чрезмерными налогами; 3) отсутствием надлежащей организации общины, которая вследствие этого во многих местностях уже и в настоящее время находится в опасности чрезмерного размножения населения» [16, с. 150]. Но могла ли демократическая интеллигенция исправить эти недостатки, опираясь на свои собственные силы?

Как уже отмечалось, Елисеев очень высоко оценивал деятельность органов местного самоуправления. (Известно, что он передал тверскому земству 20 тыс. руб. личных сбережений для усиления капитала, назначенного на ссуду крестьянским обществам для покупки земли [17, с. 122].) В то же время публицист предлагал демократической интеллигенции признать и другие реалии пореформенной русской жизни, а именно тот факт, что кроме земства и печати у нее нет других рычагов для оказания практической помощи народу. Более того, по убеждению Елисеева, освободить крестьян от остатков крепостничества,

«поставить мужика на ноги» и уберечь от дальнейшего разорения под силу только существующему государству. Поэтому он не призывал к немедленной замене монархии парламентаризмом, опасаясь, что при сохранении в стране господства капиталов это приведет к захвату власти имущественными классами [16, с. 135]. Елисеев все еще надеялся приспособить царское правительство к потребностям нарождающегося либерально-демократического общества, воздействуя на власть проповедью принципов и начал истинного прогресса.

Последовательно проводимая Елисеевым «программа будничного дня», несмотря на ее умеренность и аполитизм, оказала сильное влияние как на формирование взглядов будущих идеологов легального народничества (С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов), так и на многотысячную читательскую аудиторию «Отечественных записок» 1870-х гг. Тот факт, что Елисеев не сделал себе громкого имени и вскоре после смерти был забыт, во многом объясняется анонимностью большинства его статей и отсутствием их отдельных прижизненных переизданий [17, с. 623].

Таким образом, наметившаяся еще в «Современнике» тенденция к поиску мирных путей к идеалам крестьянского социализма с 1868 г. на страницах «Отечественных записок» и некоторых других демократических изданий превращается в самостоятельное течение народнической мысли. Главной причиной возникновения легального народничества явился подъем в стране народнического движения, в котором с самого начала принимали участие не только представители революционных кружков, но и сторонники культурно-просветительской работы в деревне. Росту популярности легально-народнической программы постепенных социальных преобразований русской жизни во многом способствовали усилия Г. З. Елисеева и его ближайшего идейного окружения. Итогом их деятельности явилось признание значительной частью демократической интеллигенции 1870—1890-х гг. необходимости неотложной (просветительской, врачебной, агрономической, технической, юридической и т.п.) помощи деревне, несмотря на то, что она не вела к расшатыванию существующего общественного строя.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
history@mail.ru
Тел.: (4732) 24-46-47

ЛИТЕРАТУРА

1. Костин А. Ф. От утопии к науке / А. Ф. Костин. — М., 1984.
2. Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) / В. И. Харламов // Проблемы истории СССР. — М., 1979. — Вып. 10; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. — М., 1997.
3. Азаркин Н. М. Эволюция народнической идеологии / Н. М. Азаркин // История политических учений : учебник для вузов. — М., 2002.
4. Скабичевский А. М. Литературные воспоминания / А. М. Скабичевский. — М., 2001.
5. Щапов А. П. Сельская община // А. П. Щапов // Народническая экономическая литература : Избр. произведения. — М., 1958.
6. Плеханов Г. В. Афанасий Щапов / Г. В. Плеханов // Соч. : в 24 т. — М.; Пг., 1923. — Т. 2.
7. Елисеев Г. З. Внутреннее обозрение / Г. З. Елисеев // Современник. — 1864. — № 3.
8. Щапов А. П. Естествознание и народная экономия / А. П. Щапов // Шестидесятники. — М., 1984.
9. Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах / В. Г. Хорос. — М., 1980.
10. Елисеев Г. З. Журналистика / Г. З. Елисеев // Современник. — 1866. — № 2.
11. Балув Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков / Б. П. Балув. — М., 1995.
12. Морозов Н. А. Повести моей жизни : в 3 т. / Н. А. Морозов. — М., 1947. — Т. 1.
13. Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х — 80-х годах XIX в. / В. И. Харламов // Революционеры и либералы России : сб. ст. — М., 1990.
14. Ветринский Ч. Очерк истории журналистики за вторую половину XIX века / Ч. Ветринский // История русской литературы XIX в. : в 5 т. — М., 1910. — Т. 5.
15. Елисеев Г. З. Крестьянский вопрос / Г. З. Елисеев // Отечественные записки. — 1868. — № 3.
16. Елисеев Г. З. Плутократия и ее основы / Г. З. Елисеев // Народническая экономическая литература : Избр. произведения. — М., 1958.
17. Южаков С. Елисеев Г. З. / С. Южаков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 82 т. — СПб., 1894. — Т. 22.

Voronezh State University
Mokshin G. N., Candidate of the Historical Science, Docent of the Department of the History of Russia
history@mail.ru
Tel.: (4732) 24-46-47